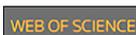

Обухова О. Н. Средства языковой объективации образа немецкого рыцаря в художественной картине мира Средневековья / О. Н. Обухова, О. В. Байкова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 158—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-158-176.

Obukhova, O. N., Baykova, O. V. (2020). Means of Language Objectification of the German Knight Image in the Artistic Picture of World in Middle Ages. *Nauchnyi dialog*, 7: 158-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-158-176. (In Russ.).

УДК 811.112.2'04+81'373.23

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-158-176

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ОБРАЗА НЕМЕЦКОГО РЫЦАРЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© **Обухова Ольга Николаевна (2020)** orcid.org/0000-0002-8658-6000, Researcher ID V-4993-2018, кандидат филологических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), Obuchova.75@mail.ru.

© **Байкова Ольга Владимировна (2020)** orcid.org/0000-0002-4859-8553, Researcher ID A-7435-2016, Scopus Author ID 57148217500, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), olga-baykova@yandex.ru.

Представлен анализ исторических, культурно мотивированных представлений о немецком рыцаре, которые объективированы в языке не только в стандартных, унифицированных эталонах, но прежде всего в социо- и этнокультурных оценках и стереотипах. Материалом исследования послужили немецкие рыцарские романы: «Тристан» («Tristan») Готфрида Страсбургского, «Бедный Генрих» («Der arme Heinrich») Гартмана фон Ауза, «Энеида» («Eneasroman») Генриха фон Фельдеке. Особое внимание в статье уделяется исследованию показателей национальной специфики образа немецкого рыцаря. В работе доказано, что актуализация лексических единиц, служащих для репрезентации образа рыцаря, во многом специфична и обусловлена жанровой спецификой текстов западноевропейской литературы Средневековья. Утверждается, что в художественной картине мира Средневековья аккумулируются знания носителей средневековой немецкой культуры об окружающей действительности, объективированные семантикой и прагматикой языковых и речевых единиц, структур, композиций, объединяемых в целом характеристикой окружающего мира. Делается вывод о том, что образ рыцаря воплощает комплекс мировоззренческих координат и ценностей рыцарского сословия, которые зафиксированы в вербальном (художественном) тексте в виде особо организованной системы знаний и представлений о мире.

Ключевые слова: Средневековье; средства языковой объективации; образ немецкого рыцаря; национально-культурная специфика.

1. Образ средневекового человека в российских и зарубежных научных исследованиях

Использование в настоящей работе понятия «образ» требует внести определенность в понимание соответствующего термина. Не имея перед собой цели дать новое определение или обзор имеющихся в современной науке точек зрения, остановимся на одном из обобщающих определений О. Г. Эксле, который трактует это понятие в историческом аспекте как «бесконечное число “образов” людей различных эпох и культур: образов индивидуальных и групповых, а также таких, которые соотносятся с условиями, слоями, классами» [Эксле, 2007, с. 305]. Нельзя не согласиться и с мнением крупнейшего современного философа и медиевиста А. Я. Гуревича, который подчеркивает, что в общем и целом «каждое общество имеет своих героев, вырабатывает тип идеального человека, которому следует подражать; во всяком случае, этот идеальный образец играет определенную роль в нравственном воспитании и поэтому может служить отражением морального состояния общества» [Гуревич, 1984, с. 203].

Ряд отечественных и зарубежных исследователей в области истории, лингвокультурологии и литературоведения, в частности, Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1999], П. М. Бицилли [Бицилли 1995], А. Брайант [Брайант 2001], А. Я. Гуревич [Гуревич, 1984], ле Гофф [Гофф 2005], признают, что достаточно сложно представить целостный образ человека в историческом ракурсе. По мнению А. Я. Гуревича, «трудность заключается не просто в своеобразии средневековых источников, которые одновременно и проливают свет на человеческую личность, и затрудняют доступ к ее познанию, камуфлируя ее единичность системой топосов и стереотипов» [Гуревич, 1984, с. 7]. По словам Н. Д. Арутюновой, сложность заключается также и в изменчивости языковых моделей человека, их различии в разных языках и их изменчивости во времени [Арутюнова, 1999, с. 10].

О проблеме реконструкции образа человека в контексте православной и католической проповеди говорит М. А. Корзо, подчеркивая, что «каждая эпоха создает свое видение человека, тот набор идеальных образов, к воплощению которых она стремится» [Корзо, 1999, с. 3]. Стремясь дать целостную характеристику средневекового человека, М. П. Бицилли пытается проникнуть в сущность человека и найти «ключ к пониманию тех простейших форм сознания, которые заложены в основе духовной природы средневекового человека» [Бицилли, 1995, с. 12]. Заявленное положение подкрепляется сходным тезисом ле Гоффа, который утверждает, что «изучать образы, порожденные воображением общества, означает добраться до глубин сознания этого общества, проследить его историческую эволюцию, достичь истоков, глубинной сущности человека» [Гофф, 2005, с. 12].

2. Национальная специфика образа немецкого рыцаря

Опираясь на различные подходы к толкованию объекта нашего исследования, в частности, на предложенные М. П. Одинцовой [Одинцова, 2000, с. 8] и Л. Б. Никитиной [Никитина, 2006, с. 6] дефиниции «образ-концепта», попытаемся сформулировать и проанализировать определение «образа человека». Под данным определением мы понимаем обобщенные знания и представления о человеке, зафиксированные в национальном языке и представляющие комплекс накопленных в процессе когнитивной деятельности носителей языка и культуры представлений о внешнем и внутреннем мире человека (внешность, образ жизни, система ценностей и идеалы, стереотипы поведения, ментальная деятельность и т. д.). При этом объективированные в представления данные могут подвергаться в художественной картине мира (далее — ХКМ) вариативным модификациям и трансформациям, адаптируясь к условиям своего воплощения в художественном тексте. Необходимо отметить, что в настоящей работе используются примеры из немецких рыцарских романов: «Тристан» («Tristan») Готфрида Страсбургского, «Бедный Генрих» («Der arme Heinrich») Гартмана фон Ауза, «Энеида» («Eneasroman») Генриха фон Фельдеке.

Следует обратить внимание на то, что национальное видение человека категоризируется языком не только в стандартных представлениях, унифицированных эталонах, но прежде всего в этнокультурных оценках и стереотипах, которые выступают показателями национальной специфики образа немецкого рыцаря, поэтому при его реконструкции важно выявить ключевые аспекты в представлениях о немецком рыцаре по следующим критериям:

- ключевым номинациям и вариативным обозначениям человека в средневерхненемецком языке;
- образу немецкого рыцаря в сопоставлении с образами людей разных сословий на синтагматическом (текстовом) уровне;
- концептуальной категоризации образа рыцаря: а) происхождению, социальному статусу, б) возрасту, в) семейному положению, г) роду деятельности, д) прагматическим стереотипам социального взаимодействия в средневековом обществе.

Далее более подробно рассмотрим данные критерии.

2.1. Ключевые номинации и вариативные обозначения человека в средневерхненемецком языке

В картине мира немецкого рыцарства можно выделить следующие лексемы, которые в художественном универсуме рыцарских романов слу-

жат для обозначения человека: *man (mann)*, *mensch*, *liute (lûte)*, *vrowe (frow / frou)*, *wîp (wîbe)*, *kint (kinde)*. Выбор для анализа именно этих слов не случаен: показатели репрезентантов разных социальных классов средневекового общества в большой степени отражают специфику восприятия картины мира носителями этнокультуры.

В художественном тексте лексические единицы *man*, *mann*, *mensch* служат для вербализации понятия «человек (представитель человеческого рода)» и выступают в значениях ‘мужчина’, ‘муж’ (ср.: *dâ was doch man bî wîbe*, *sô was ouch wîp bî manne* ‘мужчина был при женщине, женщина при мужчине’ [Straßburg, 2007b]), ‘воин’ (ср.: *nu wâfent er sich alsô wol, als ein man ze noeten sol* ‘он вооружился, как и подобало воину’ [Straßburg, 2007a]). Данные лексемы могут служить для номинации общего класса людей и, следовательно, соотноситься с абстрактным и конкретным множествами индивидов. Наиболее репрезентативно «человек» представлен в мотивирующих контекстах с лексемой *man*, которая обладает относительной самостоятельностью. В художественном тексте немецких рыцарских романов лексема *man*, характеризующаяся пропозициями типа *ieglich* ‘каждый, всякий’ или неопределенным артиклем *ein*, мыслится как будто бы объективированно и не идентифицируется с конкретным человеком, ср.: *ieglich biderber man jehen, der sî dâ heime hât gesehen* ‘всякий славный мужчина, который увидел ее дома’ [Aue, 2006]; *ich ne bin niht wan ein man* ‘ведь я всего лишь человек’ [Veldecke, 1986]. Об этом свидетельствует прономинализация *man*, обусловленная процессом семантической нейтрализации, расширением значения слова: существительное *man* ‘человек’ > неопределенно-личное местоимение *man* в референциальном статусе неопределенной дескрипции ‘кто-то’.

Очевидно, что в выше приведенных примерах существительное мужского рода *man* обозначает группу людей, иначе говоря, класс объектов. Об этом свидетельствует область предикатов и определений, сочетающихся с именем *man* в его «ролевом» значении ‘группа людей, общность’: *manech (helt)* ‘некоторые (герои)’ → *man*, *lûteville* ‘многие люди’ → *man*, *man* ← *niemanne* ‘никто’, *man* → *von gesinde noch von gesten* ‘из придворных и гостей’. В словах и конструкциях, имеющих референцию к *man*, четко прослеживаются признаки нивелирования, точнее говоря, «устранения» сем, указывающих на индивидуальные проявления человека.

Характерно, что в языковом сознании *man* воспринимается как лексический маркер референта мужского пола. Признак ‘мужской’, имплицитно присутствующий в значении слова, выделяется в сочетаниях *man* с пре- и постпозитивными определениями, включающими семантический ком-

понент ‘мужественный’. Так, значения *gewâfende* ‘вооруженный’, *vrech* ‘смелый’, *vruot* ‘бравый’ находятся в ассоциативной связи с общим и существенным для средневекового наивного сознания смыслом ‘мужской’, ‘воинственный’, ср.: *vier gewâfende man* ‘четыре вооруженных человека’ [Straßburg, 2007a].

Нетрудно заметить, что в моделях с доминантной составляющей *man* с обобщенным семантическим значением ‘человек’ отсутствуют атрибуты и предикаты, репрезентирующие соотнесение лексемы с референтом «женщина». Отдельный составляющий признак ‘женский’ репрезентируется лексемами *wîb* или *vrowe* (*frow* / *frou*) в оппозиционном употреблении с *man*, ср.: *nie wîb einen man harder mohte geminnen* ‘как ни одна женщина не любила мужчину’ [Veldecke, 1986]; *manech wîb unde man* ‘многие мужчины и женщины’ [Aue, 2006].

Что касается номинаций, служащих для обозначения ребенка, то в ХКМ встречается единичная языковая единица *kint* (*kinde*) ‘ребенок’ и ее дериваты *kintlich* (*kindisch*) ‘детский’, *kintheite* ‘детство’, ср.: *ez kam von dem geleite sîner kintheite* ‘причина заключалась в его поступках, свойственных детям’; *er tete vil rehte als elliu kint, diu selten vorbesichtic sint* ‘он поступал как всякий ребенок, который редко бывает осмотрительным’ [Straßburg, 2007a]. Низкая частотность актуализации номинации *kint* свидетельствует об ослаблении востребованности в культурной и повседневной практике немецкого рыцарства. Действительно, некоторые медиевисты и историки-демографы признают существовавшее в XII—XIII веках безразличное отношение к детям, утверждая, что понимание детства в этот исторический период отсутствует [Гофф, 2005, с. 166; Рябова, 1999; Ястребичкая, 1978, с. 102—103]. Речь в данном случае идет не об отрицании родительской любви и заботы родителей о своих детях, а, скорее, об ином восприятии ребенка в средневековой культуре. Свидетельством проявления родительской любви к детям служат номинации *liebe* ‘любовь’, *süeze* ‘дорогой, любимый’ в контекстуальном сочетании с *kinde*, ср.: *daz selbe süeze kint truoc ir als süezeliche Kindes gir, als ein kint sîner muoter sol* ‘этот дорогой ее сердцу ребенок любил ее также сильно, как ребенок должен любить мать’ [Straßburg, 2007a].

Контекстуальный анализ художественного текста позволил выявить в содержании понятия *kint* признаки, тесно коррелирующие с понятиями, обозначающими взрослого человека: *man*, *ritter*, *vürst*, *künege*, — ср.: *Ein hêrre in Parmenie was, der jâre ein kint* ‘В Пармении жил благородный господин, по годам — ребенок’ [Ibid.]; *der was, <...> wol an gebürte küenege genôz, an lande vürsten ebengrôz* ‘он был <...> по своему происхождению

равен королям, также велик как и князь' [Ibid.]; *er was der werlde ein wunne, der ritterschefte ein lère, sîner mâge ein ère, sînes landes ein zuoversiht* 'им восхищались все, он был образцом рыцарской доблести, примером для своих вассалов, опорой своих земель' [Ibid.].

Следует отметить, что поэтическая лексика, манифестирующая понятие «возраст жизни», свидетельствует об ограниченном представлении в средневековой культуре XII—XIII веков о периодизации жизни человека. В поэтическом языке этого времени представлены две номинации *kintheite* и *jugent*, вербализующие абстрактные понятия «детство» и «молодость». И здесь обнаруживается одна особенность восприятия жизни в средневековой культуре: синкретичность восприятия «возрастов жизни», временные границы периодов жизни достаточно расплывчаты, ср.: *daz er in sîner blüenden jugent mit jugentlicher hêrren tugent wider sîn selbes saelden streit, daz geschuof sîn spilndiu kintheit, diu mit ir übermuote in sînem herzen bluote* 'он в расцвете младых лет с юношеским пылом сражается против своего собственного счастья, творит неразумность, свойственную детям, что сильно процветала в его сердце' [Ibid.].

2.2. Образ немецкого рыцаря в сопоставлении с образами людей разных сословий на синтагматическом (текстовом) уровне

Наряду с общими обозначениями и дескрипциями *man*, *mann*, *mensch* в текстах рыцарских романов можно выделить целый пласт социальных наименований. Ключевым для европейской средневековой культуры становится слово *ritter* 'рыцарь', в латинских текстах для номинации рыцарей служило слово *militis*. Лексема *ritter* представляет собой фламандско-нидерландское заимствование, ср.: mhd. *ritter* < mnl. *riddere* (*reiten* ← germ. **ridan* ← idg. **reidh*), которое, в свою очередь, является калькой ст.-фр. *chevalier*, что в социолингвистическом плане можно объяснить ведущей политической культурной ролью Франции и Фландрии в рассматриваемый исторический период. Первоначальное значение слова *reiten* восходит к и.-е. корню **reidh-*, означавшему 'быть в движении, ехать' [Schmitthenner, 1837, с. 236—237]. В результате анализа художественного контекста выявляются следующие маркирующие признаки немецкого рыцаря: 'конный воин' (*swaz sô daz ros und ouch den man ze rittere geprüeven kan, der geziuc was aller sêre rîch* 'все то, что выделяло рыцаря и его коня, было роскошно' [Straßburg, 2007a]); 'благородство происхождения' (*tûsent ritter hêrlîche fürde der herzoge rîche* 'тысячу благородных рыцарей привел знатный герцог' [Veldecke, 1986]); 'боевая экипировка' (*wol gewâfent und wol berâten* 'хорошо вооруженные и хорошо экипированные' [Ibid.]); 'боеспособный'

(*sich wol werden mit speren und mit swerden* ‘умели хорошо владеть копьем и мечом’ [Ibid.]); ‘принадлежность к особому (привилегированному) словению’ (*ritter ûz und abe ein edel barûn von Írlant* ‘рыцарь, благородный барон’ [Straßburg, 20076]); ‘несущий ленные обязанности’ (*lieben frunt mîn, die dorch mich her komen sîn, mîne lanthêren* ‘дорогие друзья мои, прибывшие по воле моей, держатели земли моей’ [Veldecke, 1986]); ‘обязанный нести военную службу’ (*die forsten her zû zime gewan, die im gerne wolden gestân* ‘он призвал к себе вождей, готовых стать на его сторону’ [Ibid.]).

Сословным маркером, «форменным отличием» принадлежности к рыцарству является вооружение. Среди номинаций видов вооружения отчетливо выделяются две тематические группы с подробным детальным описанием оружия и доспехов, их назначением и применением в бою:

1) названия наступательных видов оружия, среди которых актуальными в рыцарской культуре являются *wer* ‘оружие’ (*die kâmen in die habe gezogen mit armbrusten und mit bogen und mit anderre wer* ‘они прибыли во владение сеньора с самострелами и с луками, с другими видами оружия’ [Straßburg, 2007a]); *swert* ‘меч’, (ср.: *ein swert sô getân, daz niht solhes enwas. dâmit vaht Ênêas, der des lîbes was ein degen und ein meister ze grôzen slegen* ‘меч, равного которому не было, им сражался Эней, отважный герой и умелый боец’ [Veldecke, 1986]); *sperre* ‘копье’ (ср.: *si fûrden halsberge, schilde sperre unde bogen* ‘они везли хальсберге, щиты, копья и луки’ [Ibid.]); *armbrust* ‘самострел’ (*wâfen unde spîse erwarb vile der Troiân. her unde sîne man <...> si sich vaste wolden weren mit den swerden und mit speren, mit armbrusten und mit bogen* ‘оружие и еду добыли троянцы. он и его воины <...> были готовы защищаться мечами и копьями, самострелами и луками’ [Ibid.]); *gêre* ‘дротик’, *bolz* ‘дротик, короткая стрела’ (*mit erbrusten man dâ schôz und mit starken gêren, <...> daz dâ in kôrzen zîten des heres vile tôt lach* ‘стреляли из самострелов и метали дротики, <...> вскоре пали мертвыми многие из войска’ [Ibid.]); *bogen* ‘лук’, *strâlre* ‘стрела’, *kocher* ‘колчан для стрел’ (*dar zû gab im Ênêas zweinzich jungelinge willich zû dem dinge, biderbe unde wol gezogen, si fûrden kocher unde bogen und vil scharphe strâlen und swert mit schônen mâlen* ‘Эней отправил также двадцать славных молодых вассалов, хорошо воспитанных, они везли колчаны для стрел, луки и острые стрелы, меч с прекрасной эмалью’ [Ibid.]); *materelle* ‘стрела из метательной машины’ (*vile dikke dâ flogen schefte phîle eine lange wîle unde materelle grôz unde snelle unde scharphe gêre* ‘плотно летели длинные копья и стрелы, большие стрелы из метательных машин быстрые и острые’ [Ibid.]);

2) названия защитных видов вооружения, среди которых наиболее значимыми для немецкого рыцаря являются *feitiure* ‘военное снаряжение’ (*der*

sin der naete ir aller cleit und ander ir feitiure, baniere und covertiure und anderen der ritter rât, der den ritter bestât swaz ‘в мыслях были созданы одеяния и все другое военное снаряжение, знамя и доспехи коня, другие доспехи рыцаря, подобающие ему как рыцарю’ [Straßburg, 2007a]); *werc* ‘доспехи, вооружение’ (ср.: *Vulkân <...> der guote listmachere Tristande sînen halsperc, swert unde hosen und ander werc, daz den ritter sol bestân, durch sîne hende lieze gân schône und nâch meisterlichem site* ‘Вулкан <...> искусный мастер в соответствии с традициями мастеров изготовил для Тристана прекрасный хальсберге, меч и кольчужные штаны, другие доспехи, которые подобали рыцарю’ [Ibid.]); *kampfwerc* ‘военное снаряжение’ (*weder helm noch halsperc noch kein sîn ander kampfwerc daz enhaete in dâ niht vür getragen* ‘ни шлем, ни хальсберге, ни другое снаряжение не помогли бы ему в бою’ [Ibid.]); *helm* ‘шлем’ (*einen helm sander der mite. swar sô her gienge oder rite, der in ûf hete gebunden, in ne mohte niht verwunden, hern worde ouch nimmer sigilôs* ‘он преподнес ему шлем. куда бы он не отправился пешим или верхом на коне, надев его, он становился неуязвим и непобедим’ [Veldeke, 1986]); *îsenîne hût* ‘железная шапка’ (*sî wâren helide lussam. ir iewederre nam einen îsenînen hût unde zwei swert gût* ‘они были отважными воинами. каждый взял шлем и два хороших меча’ [Ibid.]); *halsberge* ‘хальсберге’ (бармица) (ср.: *der halsperch was des gût, daz der man drinne was behût vor aller slahte wunden ze allen den stunden daz hern an dem libe trûch* ‘хальсберге был так искусно изготовлен, что защищал от всех ранений’ [Ibid.]); *îsenhosen* ‘кольчужные штаны’ (*ir hosen wâren îsenîn veste lank unde wît* ‘их штаны были выкованы из железа, крепкие, длинные и широкие’ [Ibid.]); *schilt* ‘щит’ (*îsenhosen und schilt, wandez ime den lib behilt <...> hern moht sîn niht verwunden* ‘кольчужные штаны и щит, которые служили для защиты его жизни, <...> его невозможно было ранить’ [Ibid.]); *sarring* ‘кольчуга’ (*der storm vil harde unde grôz: freislîche man dâ schôz, ritterlîche man dâ stach <...> dâ worden verscrôten helme und sarringe* ‘бой был жестоким и упорным: воины безжалостно стреляли из луков, с рыцарской отвагой бились они, <...> многие шлемы и кольчуги были повреждены’ [Ibid.]); *wâfenroc* ‘боевая рубаха’ (ср.: *ein wâfenroc wart dar getragen, der was <...> mit vrouwînen henden in vremedem prîse bedâht und noch prîslîcher vollebrâht* ‘ему принесли боевую рубаху, которая была <...> скроена женскими руками по чужеземному образцу и изготовлена с чужеземной роскошью’ [Straßburg, 2007a]); *wâfenriemen* ‘ремни для оружия’ (ср.: *sîn getriuwer dienstman mit weinendem herzen an, sîne wâfenriemen er im bant alle mit sîn selbes hant* ‘с горьким сердцем его вассал повязал ремни своими руками’ [Ibid.]).

Проанализировав тексты рыцарских романов и материалы историков-медиевистов [Вейс, 2005; Окшотт, 2007], посвященные вооружению

рыцарей в эпоху Средних веков, следует отметить, что принципиальных отличий в вооружении немецкого рыцарства на фоне общей исторической картины европейского наступательного и защитного вооружения (в частности, рыцарства Средневековой Франции и Англии) не было выявлено. В этом отношении показательно высказывание Э. Окшотта, который в своем исследовании латного облачения и вооружения европейского рыцарства подчеркивает, что «до XV века существовали лишь незначительные расхождения стиля между доспехами разных европейских стран» [Окшотт, 2007, с. 7].

2.3. Концептуальная категоризация образа рыцаря

Исследователи Средневековья отмечают, что в период XII—XIII веков складываются различия между рядовыми воинами (*serviens*), динстманнами и вассалами (*ministerialis* и *medii*), знатными рыцарями-сеньорами, сюзеренами (*nobiles*) [см.: Herrschaft und Stand ..., 1977, S. 18—34]. Насколько можно судить, у ученых нет единства в толковании понятия «рыцарь» и прежде всего в понимании того, к какой сословной категории он относится. Как пишет Г. Коэн, «сначала термин “рыцарь” относился к любому, кто сражался верхом на коне и мог быть связан юридическими узами с тем, от кого он держал фьеф и кому он был обязан личной военной службой, но опосредованно он мог относиться даже к королю» [Коэн, 2010]. В то же время Г. Букман высказывает противоположную точку зрения, представляя рыцарство как новую культурную и социальную норму, «уравнивающую» и аристократов, и министриалов [Boockmann, 1992, S. 40].

Социоэтническая стратификация военной прослойки средневекового общества находит отражение в художественных произведениях на языковом уровне в дифференцированном употреблении номинаций воинов и рыцарей. Лексема *ritter* ‘рыцарь’ является наиболее частотной и значимой, так как, с одной стороны, в культурно-ментальном языковом контексте слово обнаруживает обобщающее значение для сословия средневековых воинов, ср.: *tüsent ritter heter braht sunder schutzen und füzhere* ‘он привел тысячу рыцарей, несчетное количество лучников и пеших воинов’ [Veldekke, 1986]; *wer ist der man? <...> weder ist er ritter oder kneht?* ‘кто этот муж? <...> рыцарь ли он или слуга?’ [Straßburg, 2007a].

С другой стороны, слово приобретает специфическое значение ‘воин благородного происхождения’, ср.: *ein ritter edel und üz erkorn, von künigen unz her geborn* ‘рыцарь благородный, избранный, королевской крови’ [Straßburg, 2007a]; *sît dir nû swert gesegenet ist und sît dû ritter worden bist, nû bedenke ritterlîchen prîs und ouch dich selben, wer dû sîs. dîn geburt und dîn*

edelkeit ‘после того, как меч твой благословлен, после того, как ты стал рыцарем, не забывай о достоинстве рыцаря и кто ты есть, не забывай о происхождении своем и благородстве души’ [Ibid.].

Неоднозначное толкование получает в ХКМ лексема *wîgant*, которая инкорпорирует в своем этимологическом значении сему ‘воитель’ [Lexher, 1992] и в культурно-ментальном языковом контексте приобретает дополнительную коннотацию ‘благородного происхождения’, ср.: *der wol gelobete wîgant <...> sîne lûte her dô trôste, daz sie sich wol gehielden* ‘прославленный воин <...> поднял дух своих людей, призвав их к мужеству’ [Veldecke, 1986]; *dâ vant der hêre Ênêas sînen vater <...> des frowete sich der wîgant* ‘здесь нашел благородный Эней своего отца <...> этому обрадовался благородный герой’ [Ibid.].

Для обозначения рыцарей, находившихся на службе у своего сюзерена, в языке немецкого рыцарства используются лексемы *mâge*, *gesellen ingesinde*, значение которых включает в свой состав семантический признак ‘члены семьи’, а также номинации *friunt (vriunt)* ‘друг’, *genosse*. Как отмечает Ю. Л. Бессмертный, «родня до шестого колена исключительно <...> составляла группу, сочлены которой обладали вполне реальными правами и обязанностями относительно друг друга» [Бессмертный, 1967, с. 141]. Интересный взгляд на семейные узы обнаруживает французский историк-медиевист Р. Фоссье, включающий сюда «обширный круг связей <...>, представители которых узнавали друг друга по определенному родству, прежде всего, бесспорно, кровному и первоочередному, но также по общим интересам, взаимным чувствам и привязанностям» [Фоссье, 2010, с. 100]. Значение этой группы имен становится также понятным, если принять во внимание культурно-ментальный языковой контекст. Характерно, что термины из социального лексикона: *friunt (vriunt)* ‘друг’, *genosse* ‘друг, товарищ’ — являются родственными или этимологически связанными со словами, обозначающими такие морально-этические и нравственные ценности, как доброта, любовь, доверие. Так, в средневерхненемецком языке лексема *friunt (vriunt)* ‘друг’ инкорпорирует семантический признак ‘любовь, мир’. Сема нравственной категории *guot / gût* ‘добро, благо’ (гот. *gōd-s* (a), др.-сакс. *gegada* ‘друг, товарищ’, двн. *ginōz[o]* ‘польза’) имплицитно присутствует в лексеме *genosse* [см.: Benecke, 1990; Grimm, 1961; Lexher, 1992; Online etymology dictionary, 2001]. Семья в средневековой культуре включает не только близких членов семьи, кровных родственников, но и людей, проживающих в замке, ср.: *jâ Tristan der haete an der stete vater; muoter; mâge, man, alle die vriunt, die er ie gewan, zwischen sînen handen dâ* ‘с Тристаном были отец, мать, родственники, вассалы, все друзья’ [Straßburg, 2007a].

Вследствие влияния французской культуры исконно немецкие слова расширяют семантику, приобретая семантический признак ‘воинская повинность — служение вассалу’, ср.: *si wâren gûte knehte, der kûne Eurîâlûs und der fromige Nîsûs* <...> *geselle sîn* ‘они были хорошими слугами, смелый Эурелий и отважный Низус <...> его соратники’ [Veldecke, 1986]; *daz was dem ingesinde diu meiste triuwe, die kein man ze sîner hêrschetfe ie gewan* ‘для товарищей это был знак высочайшей верности вассала к своему господину’ [Straßburg, 2007a]; *sus was Tristan der guote des kûneges ingesinde dô.* <...> *wan er was z’allen zîten hœfischliche an sîner sîten und truog in sînen dienst an* ‘благородный Тристан стал спутником короля, <...> его манеры были изысканны, он верно нес свою службу’ [Ibid.]. Можно предположить, что на преобразование семантики слова *ingesinde* повлияли французские лексические эквиваленты *massenié* ‘рыцарское общество’ и *vassal* ‘вассал’ (ст.-фр. *vassal*), служащие для обозначения рыцаря или феодала, находящегося на ленной службе у сеньора.

В ХКМ отражен образ рыцаря-священника. Единственное упоминание лексемы в корпусе художественных текстов обусловлено, по-видимому, жанровой особенностью исследуемой литературы. Следует признать, что в культурной парадигме носителей языка с понятием «рыцарь-священник» коррелируют две идеи: стремление рыцарства «примирить воина и священнослужителя», а также идея священной миссии военных походов (соединение христианской веры и справедливой войны) [Boockmann, 1992, S. 40]. О процессе «христианизации рыцарства» [Бартелеми, 2012, с. 239] свидетельствуют референты *prêster* ‘священник’ и *ritter* ‘рыцарь’, представляющие компиляцию образа рыцаря-священника, ср.: *dô reit der hêre Chôres, der Troiäre prêster unde ir êwe mêster* ‘прибыл господин Хореус, священнослужитель и защитник закона’ [Veldecke, 1986]. В этом плане проявляется достаточно отчетливо выраженная социокультурная специфика мировидения немецкого рыцарства: перспективой для младших сыновей, особенно знатных родов, была духовная служба. Многие из них обучались грамоте, чтобы руководить церковью, и одновременно рыцарским навыкам, чтобы «завоевать» богатую наследницу (ср.: *was doch ritter vile gût und hete manlichen mût und kunde wole an ritterschaft* ‘был славным рыцарем и духом муж, владел рыцарским искусством’ [Ibid.]). Отметим, что группа «священнослужители» является менее проработанной и представлена номинациями с низкой частотностью актуализации в художественном тексте: *pfaffen* ‘священник’, *pfafheite* ‘духовенство’, *bischove* ‘архиепископ’, *prêlâte* ‘прелат’, *antiste* ‘прелат’. Отдельно следует выделить группу лексем, маркирующих роль «священнослужителей» в средневековом социу-

ме: проведение ритуальных процедур освящения (*ê ze kirchen ir geruochet jehen, da ez pfaffen unde leien sehen, der ê nach cristenlichem site* ‘благославлять брак в церкви по христианским традициям в присутствии священников и мирян’ [Straßburg, 2007a]; *bischove und prêlâten, die daz ambet tâten und segenten daz gerihte* ‘архиепископы и прелаты, которые служили мессы и благословили суд’ [Ibid.]; *dâ wâren phaffen genuoge: die gâben sî im ze wîbe* ‘тут присутствовали священники, которые отдали ее ему в жены’ [Aue, 2006]); участие в государственном собрании или суде — консилиуме (*ein concilje leite und dâ der pfafheite, den witzegen antisten, die gotes reht wol wisten, sînen werren taete kunt* ‘созвать консилиум, перед духовными лицами, образованными прелатами, хорошо знавшими церковное право, выступить с вопросом’ [Straßburg, 2007a]).

Сословие господ представляло в Германии XII—XIII веков сложную социальную категорию, охватывающую «самые разнообразные общественные слои — от королей и князей, на одной стороне, до неимущих нобилей» [Ястребицкая, 1978, с. 124]. Знаки высокого социального статуса представлены прямыми номинациями, указывающими на ранг или сословную принадлежность (*herr (here, hêrre)* ‘господин’, *kûnec (kunich, kuneg)* ‘король’ / *kunegin* ‘королева’, *herzog* ‘герцог’, *lanthêrr* ‘владелец земли, господин’, *vürst* ‘князь’, *liduc* ‘герцог’, *grêve* ‘граф’, *barûn* ‘барон’, *marschalke* ‘маршал’, ‘войсковой смотритель или смотритель при дворе’).

Двн. слово *kunich* в первоначальном значении ‘высокородный муж’ в немецком языке получает семантический признак ‘управляющий государством’. Вместе с ним в языке немецкого рыцарства для обозначения высшего титула встречается калькированное из латинского слово *keiser* ‘кайзер’, которое восходит к римскому императору Цезарю (*Caeser*) [Duden Herkunftswörterbuch ..., 2001, S. 378]. *Herzog*, обозначающий в германском языке (V век) предводителя войска, буквально ‘тот, кто идет вперед’, расширяет свое значение и получает дополнительную коннотацию ‘благородного происхождения’, ‘один из высших представителей знати в иерархической системе феодального общества’ [Ibid., S. 337]. Композита *margrâve* ‘маркграф’, заимствованная из латинского языка в ранний период эпохи средних веков, восходит к византийскому придворному титулу *grapheús*, буквально ‘писарь’, в эпоху Меровингов служит для обозначения королевского чиновника с административными и правовыми полномочиями. Начиная с эпохи царствования Каролингов и с развитием ленной системы в феодальной Германии слово используется в отношении владетельных особ, владельцев княжеств. Лексема *marschalke* инкорпорирует компонент **-schalke* ‘слуга’, значение которого уточняет следующие элементы

смысла: представитель низшего слоя аристократии, служивого сословия. Анализ подобного лексического материала позволяет проследить генезис средневекового социума: привилегированное положение в феодальном обществе XII—XIII веков было обусловлено не только правом владения крупной земельной собственностью и зависимыми крестьянами, но и количеством подвластных крупных и мелких вассалов, имеющих военные обязательства перед двором вышестоящего сеньора, ср: *Mezentiûs <...> der leite ein hêrlîche schare, tûsent ritter brahter dare sîner frunt und sîner manne* ‘Мецентийус <...> возглавил княжеское войско, он привел тысячу рыцарей: своих друзей и вассалов’ [Veldecke, 1986]; *der margrâve von Pallante. Tûsent ritter sunder sarjante und hundert schutzen brahter dare ze storme harde wole gare* ‘маркграф из Палланте. привел с собой тысячу рыцарей и сотню стрелков, готовых вступить в бой’ [Ibid.].

В текстах рыцарских романов выделяется группа лексем-экспликаторов социальных характеристик представителей низких сословных классов средневекового общества, ср.: *schalk* ‘зависимый слуга’, ‘раб’, *knehte* ‘слуга-вассал’, *bû(man)* ‘крестьянин’, *meier* ‘крестьянин’, *gebûre* ‘крестьянин’. В языковой картине мира среди представителей низких сословных классов проводится четкое разграничение на свободных и зависимых, ср.: *schalk* ‘раб’ (ср.: *sîner kinde vrîheit der eigenschefte vûr leit, daz er sî ze schalken gebe* ‘тот, кто своих детей отдает в рабство, превращая их в зависимых слуг’ [Straßburg, 2007a]) и *knehte* ‘слуга’, ‘вассал’ (ср.: *wan daz ungebaere was <...> dô sprach er: «wol balde zwêne knehte her!»* ‘так как это было недостойно его <...> он приказал: «немедленно двух слуг сюда!») [Ibid.]), *bûman* ‘крестьянин’ (ср.: *der ê diz geriute und der ez dannoch biute daz was ein vrîer bûman* ‘тот, кто возделывал пахотные земли, был свободным крестьянином’ [Ibid.]), *gebûre* ‘крестьянин’ (ср.: *die gebûre sie bedwungen <...> ir borch sie dâ spîsten vil nâch zeime jâre, swem ez leit wâre* ‘они принудили крестьян <...> замок они снабжали продовольствием в течение года, это был их долг’ [Aue, 2006]) и *meier* ‘крестьянин, получивший в ленное владение надел земли’ (*Got hete dem meier gegeben nâch sîner ahte ein reinez leben er hete ein wol erbeiten lîp* ‘Бог даровал крестьянину согласно его сословному положению безгрешную жизнь, у него было тело, созданное для работы’ [Ibid.]).

Отдельную группу имен образуют названия лиц, представляющих профессиональную деятельность людей, принадлежащих к непривилегированным слоям средневекового общества. Важной для языкового сознания немецкого рыцарства является группа имен, связанная с названиями торговцев и ремесленников: *koufman* ‘купец’, *arzâte* ‘врач’, *(werk)meister*

‘ремесленник’. Их вербализация в художественном тексте обусловлена описанием парадигматических потребностей рыцарства и высшего общества: лечить больных и раненых в бою (ср.: *arzâte man besande <...> die leiten allen ir sin mit arzâtlichem liste an in* ‘отправили за врачами <...> они применили все свои умения, чтобы вылечить его’ [Ibid.]). Наряду с номинациями торговцев и ремесленников в языковой картине мира можно выделить социально значимую для рыцарства группу лексем, которая служит для объективации понятия «придворные слуги, состоявшие на службе у короля или сеньора в замке». В этой группе следует отметить обозначения лиц, связанные с организацией жизни в замке (*kamerâre / kameraerîn*), а также с обеспечением досуга средневековой знати: охоты (*jegermeister; jeger, weideman, weidegeselle*), турниров и придворных развлечений (*hove-man, spilman, harpfaere*).

Одним из ракурсов отображения релевантных для языкового сознания понятий, входящих в разряд ведущих ценностей жизнедеятельности и излюбленного времяпрепровождения придворной знати и рыцарства, является охота. В этом плане отметим номинации *jegermeister* ‘егермейстер’, *jeger* ‘охотник’, *weideman* ‘охотник’, *weidegeselle* ‘охотники’ (ср.: *ich und ander liute, jagen ûf disem walde alhie* ‘я и другие люди охотились всегда в этом лесу’; *reit Asxânjûs dar zû mit sînen weidegesellen* ‘выехал Асканиус на охоту со своими спутниками’ [Veldecke, 1986]; *eins tages bîrsen rîten <...> dô nam her sîne weideman* ‘однажды выехали на охоту <...> он взял с собой охотников’ [Ibid.]; *dô nam her sîne weideman, den der walt kunt was* ‘он призвал лесников, которые хорошо знали лес’ [Ibid.]).

3. Заключение

Таким образом, анализ важнейших категорий, вербализующих образ средневекового человека, в частности рыцаря, позволяет сделать вывод, что общей чертой семантики анализируемых лексических единиц *man, mann, mensch* является признак ‘принадлежность к общему классу людей’, а также признак ‘статусность’. При этом данный дифференциальный признак нивелирует, отодвигает на задний план более емкий признак индивидуальности, отдельного человеческого «Я», аккумулирующий представления о субъективных свойствах индивида. Свидетельством этому служит и отсутствие в системе средневекового мировоззрения языковых репрезентаций, объективирующих свойства и признаки человека как «личности».

В условиях социальной раздробленности средневекового общества в немецкой культуре складывается определенный пласт социальных наименований. В эпоху Средневековья в Западной Европе получает распро-

странение учение о трехфункциональном делении социума, согласно которому в обществе различают три ордена: «*oratores*» (те, кто молится: духовенство и монахи), «*bellatores*» (те, кто ведут войну: воины, рыцарство) и «*laboratores*», или «*laboratores*» (те, кто пахут землю, трудятся).

Анализ художественных произведений обнаруживает сходные черты в стратификации средневекового общества: «властвующие» (*herr; künec, herzog, lanthêrr, vürst, liduc, grêve, marschalke, ritter*), «воюющие» (*ritter; schutze, fûzhere, sarjante, schiltknehte*), «священнослужители» (*prêster; pfaffen, pfafheite, bischove, prêlâte, antiste*), «служашие-вассалы» (*dienstman, mâge, gesellen ingesinde, vassal, massenîe*), «придворные служащие и слуги» (*jegermeister, jeger, weideman, weidegeselle, hoveman, spilman, harpfaere*) и «трудящиеся» (*schalk, knehte, bû(man), meier, gebûre, koufman, arzâte, (werk)meister*). Необходимость индикации социального статуса становится неотъемлемой потребностью для коллективного сознания, так как в немецком средневековом обществе XII—XIII веков формируется строгая иерархия светских феодалов, выраженная в неравенстве их положений и привилегий. Обращает на себя внимание и тот факт, что иерархическая регламентация поведения членов каждой социальной группы предполагает определенный «сценарий поведения», включающий в себя знаковый комплекс физических, ментальных, эмоционально-волевых, речевых и социальных действий. В анализируемых средневековых немецких текстах общераспространенные представления о рыцаре детализированы социо- и этнокультурными доминантами эпохи XII—XIV веков. Следует подчеркнуть, что актуализация лексических единиц, служащих для репрезентации образа рыцаря, во многом специфична и обусловлена жанровыми особенностями текстов западноевропейской литературы Средневековья. В художественной картине мира данного периода аккумулируются знания носителей средневековой немецкой культуры об окружающей действительности, объективированные семантикой и прагматикой языковых и речевых единиц, структур, композиций, объединяемых в целом характеристикой окружающего мира. В этом аспекте образ рыцаря воплощает комплекс мировоззренческих координат и ценностей рыцарского сословия, зафиксированных в вербальном (художественном) тексте в виде особо организованной системы знаний и представлений о мире.

Источники

1. *Benecke G. F. Mittelhochdeutsches Wörterbuch* [Electronic resource] / G. F. Benecke // Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke. — Stuttgart : S. Hirzel, 1990. — Access mode : <http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html>.

2. *Duden* Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. — Mannheim : Dudenverlag. Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2001. — 960 S.
3. *Grimm J. und W.* Deutsches Wörterbuch [Electronic resource] / W. und J. Grimm. — Leipzig : S. Hirzel, 1854—1961. — Access mode : <http://germazope.uni-trier.de>.
4. *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer [Electronic resource] / M. Lexer // *Zugleich als Supplement und alphabetischer Index zum Mittelhochdeutschen Wörterbuche von Benecke-Müller-Zarncke.* — Stuttgart : S. Hirzel, 1992. — Access mode : <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html>.
5. *Online etymology dictionary* [Electronic resource] / Douglas Harper. — Lancaster, Pa, 2001. — Access mode : <http://www.etymonline.com>.
6. *Schmitthenner Fr.* Kurzes deutsches Wörterbuch für Etymologie, Synonymik und Orthographie / Fr. Schmitthenner. — Darmstadt : Verlag von Jonghaus, 1837. — 571 S.
7. *Straßburg G. von.* Tristan / G. von Straßburg. — Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek, 2007a. — Bd. 1. — 595 S.
8. *Straßburg G. von.* Tristan / G. von Straßburg. — Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek, 2007b. — Bd. 2. — 590 S.
9. *Veldecke H. von* Eneasroman / H. von Veldecke. — Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek, 1986. — 895 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : «Языки русской культуры», 1999. — 896 с.
2. *Бартелеми Д.* Рыцарство : От Древней Германии до Франции XII в. / Д. Бартелеми. — Санкт-Петербург : ЕВРАЗИЯ, 2012. — 584 с.
3. *Бессмертный Ю. Л.* Рыцарское счастье — рыцарское несчастье (Западная Европа, XII—XIII вв.) / Ю. Л. Бессмертный // *Средние века.* — Москва : Изд-во «Наука», 1967. — Выпуск 30. — С. 138—156.
4. *Бицилли М. П.* Элементы средневековой культуры / М. П. Бицилли. — Санкт-Петербург : Мифрил, 1995. — 242 с.
5. *Брайант А.* Эпоха рыцарства в истории Англии / А. Брайант. — Санкт-Петербург : Издательская группа «Евразия», 2001. — 576 с.
6. *Вейс Г.* История культуры народов мира. Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия. XIV—XVI века / Г. Вейс. — Москва : Эксмо, 2005. — 145 с.
7. *Гофф Ж. ле* Цивилизация средневекового Запада / Ж. ле Гофф. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с.
8. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — Москва : Искусство, 1984. — 350 с.
9. *Корзо М. А.* Образ человека в проповеди XVII века / М. А. Корзо. — Москва : Изд-во Института философии РАН, 1999. — 189 с.
10. *Коэн Г.* История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки / Г. Коэн. — Москва : Центрполиграф, 2010. — 168 с.
11. *Никитина Л. Б.* Образ-концепт “*homosapiens*” в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Л. Б. Никитина. — Омск, 2006. — 41 с.

12. *Одинцова М. П.* Вместо введения к теории образа человека в языковой картине мира / М. П. Одинцова // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). — Омск, 2000. — Ч. 1. — С. 8—11.
13. *Окиотт Э.* Меч в век рыцарства. Классификация, типология, описание / Э. Окиотт. — Москва : Центрполиграф, 2007. — 224 с
14. *Рябова Т. Е.* Женщина в истории западноевропейского средневековья / Т. Е. Рябова. — Иваново : Издательский центр «Юнона», 1999. — Access mode : [www. gender-studies.info/sbornik/sbornik15.htm](http://www.gender-studies.info/sbornik/sbornik15.htm).
15. *Фоссье Р.* Люди средневековья / Р. Фоссье. — Санкт-Петербург : ЕВРАЗИЯ, 2010. — 352 с.
16. *Эксле О.* Действительность и знание : очерки социальной истории Средневековья / О. Эксле. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 360 с.
17. *Ястребицкая А. Л.* Западная Европа XI—XIII веков / А. Л. Ястребицкая. — Москва : Искусство, 1978. — 175 с.
18. *Aue H. von Der arme Heinrich* / H. von Aue. — Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2006. — 135 S.
19. Boockmann H. Einführung in die Geschichte des Mittelalters / H. Boockmann. — 5., durchges. Aufl. — München : Beck, 1992. — 165 S.
20. *Herrschaft und Stand : Untersuchungen zur Sozialgeschichte im 13. Jahrhundert.* (Veröffentlichungen des Max-Planck-Institut für Geschichte, number 51) / Ed. by Josef Fleckenstein. — Göttingen : Vandenhoeck and Ruprecht, 1977. — 328 S.

MEANS OF LANGUAGE OBJECTIFICATION OF THE GERMAN KNIGHT IMAGE IN THE ARTISTIC PICTURE OF WORLD IN MIDDLE AGES

© **Olga N. Obukhova (2020)** orcid.org/0000-0002-8658-6000, Researcher ID V-4993-2018, PhD in Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vyatka State University” (Kirov, Russia), Obuchova.75@mail.ru.

© **Olga V. Baykova (2020)** orcid.org/0000-0002-4859-8553, Researcher ID A-7435-2016, Scopus Author ID 57148217500, Doctor of Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vyatka State University” (Kirov, Russia), olga-baykova@yandex.ru.

The analysis of historical, culturally motivated ideas about the German knight, which are objectified in the language not only in conventional, unified standards, but primarily in socio-ethnocultural assessments and stereotypes, is presented. The material of the study was German knightly novels: “Tristan” (“Tristan”) by Gottfried of Strasbourg, “Poor Heinrich” (“Der arme Heinrich”) by Hartmann von Aue, “Eneasroman” by Heinrich von Veldeke. Particular attention is paid to the study of indicators of the national specificity of the image of the German knight. It is proved in the work that the actualization of lexical units that serve to represent the image of a knight is largely specific and due to the genre specificity of Western European literature texts of the Middle Ages. It is stated that the knowledge of medieval German culture bearers about the surrounding reality, objectified by the semantics and pragmatics of linguistic and speech units, structures, compositions, united as a whole by the characteristics of the

surrounding world are accumulated in the artistic picture of the world in the Middle Ages. It is concluded that the image of a knight embodies the complex of worldview coordinates and values of the knightly estate, which are recorded in a verbal (artistic) text in the form of a specially organized system of knowledge and ideas about the world.

Key words: Middle Ages; means of language objectification; the image of a German knight; national-cultural specificity.

MATERIAL RESOURCES

- Benecke, G. F. (1990). *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. In: *Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke*. Stuttgart: S. Hirzel. Available at: <http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html>. (In Germ.).
- Duden Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*. (2001). Mannheim: Dudenverlag, Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG. (In Germ.).
- Grimm, J. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer*. In: *Zugleich als Supplement und alphabetischer Index zum Mittelhochdeutschen Wörterbuche von Benecke-Müller-Zarncke und W.* (1854—1961). *Deutsches Wörterbuch*. Leipzig : S. Hirzel. Available at: <http://germazope.uni-trier.de>. (In Germ.).
- Harper, D. (2001). *Online etymology dictionary*. Lancaster, Pa. Available at: <http://www.etymonline.com>.
- Lexer, M. (1992). Stuttgart: S. Hirzel. Available at: <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html>. (In Germ.).
- Schmitthener, Fr. (1837). *Kurzes deutsches Wörterbuch für Etymologie, Synonymik und Orthographie*. Darmstadt: Verlag von Jonghaus. (In Germ.).
- Straßburg G. von. (2007a). *Tristan, 1*. Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek. (In Germ.).
- Straßburg G. von. (2007b). *Tristan, 2*. Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek. (In Germ.).
- Veldecke H. von. (1986). *Eneasroman*. Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek. (In Germ.).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
- Aue, H. von (2006). *Der arme Heinrich*. Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek. (In Germ.).
- Bartelemi, D. (2012). *Rytsarstvo: Ot Drevney Germanii do Frantsii XII v*. Sankt-Peterburg: EVRAZIYA. (In Russ.).
- Bessmertnyy, Yu. L. (1967). Rytsarskoye schastye — rytsarskoye neschastye (Zapadnaya Evropa, XII—XIII vv.). In: *Sredniye veka, 30*. Moskva: Izd-vo «Nauka». 138—156. (In Russ.).
- Bitsilli, M. P. (1995). *Elementy srednevekovoy kultury*. Sankt-Peterburg: Mifril. (In Russ.).
- Boockmann, H. (1992). *Einführung in die Geschichte des Mittelalters*. 5., durchges. Aufl. München: Beck. (In Germ.).
- Brayant, A. (2001). *Epokha rytsarstva v istorii Anglii*. Sankt-Peterburg: Izdatelskaya gruppa «Evraziya». (In Russ.).
- Eksle, O. (2007). *Deystvitelnost' i znaniye: ocherki sotsialnoy istorii Srednevekovya*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).

- Fleckenstein, J. (ed.) (1977). *Herrschaft und Stand: Untersuchungen zur Sozialgeschichte im 13. Jahrhundert. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, number 51)*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht. (In Germ.).
- Fossye, R. (2010). *Lyudi srednevekoviya*. Sankt-Peterburg: EVRAZIYa. (In Russ.).
- Goff, Zh. le (2005). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada*. Ekaterinburg: U-Faktoriya. (In Russ.).
- Gurevich, A. Ya. (1984). *Kategorii srednevekoy kultury*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Koen, G. (2010). *Istoriya rytsarstva vo Frantsii. Etiket, turniry, poedinki*. Moskva: Tsentrpoligraf. (In Russ.).
- Korzo, M. A. (1999). *Obraz cheloveka v propovedi XVII veka*. Moskva: Izd-vo Instituta filosofii RAN. (In Russ.).
- Nikitina, L. B. (2006). *Obraz-kontsept "homosapiens" v russkoy yazykovoy kartine mira kak obyekt antropotsentristskoy semantiki: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Omsk. (In Russ.).
- Odintsova, M. P. (2000). *Vmesto vvedeniya k teorii obraza cheloveka v yazykovoy kartine mira*. In: *Yazyk. Chelovek. Kartina mira. Lingvoantropologicheskiye i filosofskiyeye ocherki (na materiale russkogo yazyka), 1*. Omsk. 8—11. (In Russ.).
- Okshott, E. (2007). *Mech v vek rytsarstva. Klassifikatsiya, tipologiya, opisaniye*. Moskva: Tsentrpoligraf. (In Russ.).
- Ryabova, T. E. (1999). *Zhenshchina v istorii zapadnoyevropeyskogo srednevekoviya*. Ivanovo: Izdatelskiy tsentr «Yunona». Available at: www.genderstudies.info/sbornik/sbornik15.htm. (In Russ.).
- Veys, G. (2005). *Istoriya kultury narodov mira. Velikiye khristianskiye gosudarstva. Angliya, Frantsiya, Germaniya. XIV—XVI veka*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Yastrebitskaya, A. L. (1978). *Zapadnaya Evropa XI—XIII vekov*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).